

Гражданская активность населения города Хабаровска в призме современных политических событий

Civil activity of Khabarovsk citizens in the prism of modern political events

DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-1-44-54

УДК 323.22

Получено: 21.10.2021

Одобрено: 11.02.2021

Опубликовано: 25.03.2022

Клиценко М.В.

канд. социол. наук, директор Высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса, Тихоокеанский государственный университет
e-mail: 007756@pnu.edu.ru

Klicenko M.V.

Candidate of Sociological Sciences, Director of the Higher School of Media, Communication and Service Pacific National University
e-mail: 007756@pnu.edu.ru

Сиволоб А.Б.

аспирант Высшей школы международных исследований и дипломатии Тихоокеанского государственного университета
e-mail: absivolob@adm.khv.ru

Sivolob A.B.

Postgraduate student of the Graduate School of International Studies and Diplomacy of the Pacific State University
e-mail: absivolob@adm.khv.ru

Ярулин И.Ф.

д-р полит. наук, научный руководитель Института социально-политических технологий и коммуникаций, Тихоокеанский государственный университет
e-mail: iarulin@mail.ru

Yarulin I.F.

Doctor in Political Sciences, scientific supervisor of the Institute of Socio-Political Technologies and Communications Pacific National University
e-mail: iarulin@mail.ru

Аннотация

События 2020 г. на территории г. Хабаровска стали поводом для удивления практически всех жителей России. Мало кто мог предположить настолько резкую реакцию на задержание уже бывшего губернатора Хабаровского края С.И. Фургала и дальнейшее развитие этих событий

среди местного сообщества. Хотя к зиме 2021 г. основная масса протестов изжила себя, не стоит говорить, что они невозможны в будущем. В связи с этим основной целью работы является анализ гражданско-протестной активности жителей г. Хабаровска. Даже небольшой по количеству ряд факторов, влияющих на гражданскую активность жителей г. Хабаровска, объясняет резкую реакцию на происходящие события на территории города. Полученные результаты исследования позволяют расширить представления о феномене растущей гражданской активности на Дальнем Востоке России. Авторы данной работы изучают гражданский протест как гражданскую активность, совокупность социальных протестов, основой которых служат недоверие к власти, неудовлетворенность индивидов моделью имеющихся государственно-общественных отношений, а также несогласие с проводимой государственными институтами политикой. Массовое протестное движение в Хабаровске предлагается анализировать с точки зрения особой сферы политического процесса – contentious politics, «политики оспаривания» или «политики протеста» в терминах Дуга Макадама и Чарльза Тилли, которая набирает обороты не только на Дальнем Востоке России, но и в мире. В статье используются данные социологических исследований и экспертных оценок. В выводах обозначено, Хабаровский край остается регионом с серьезными политическими рисками.

Ключевые слова: гражданская активность, социальный протест, политический протест, паттерны поведения, «политика оспаривания».

Abstract

The events of 2020 on the territory of the city of Khabarovsk have become a cause for surprise for almost all residents of Russia. Few people could have imagined such a sharp reaction to the detention of the former governor of the Khabarovsk Territory, S.I. Furgal, and the further development of these events among the local community. If by the winter of 2021 the bulk of the protests have outlived their usefulness, do not say that they are impossible in the future. In this regard, the main purpose of the work is to analyze the civil protest activity of the inhabitants of the city of Khabarovsk. Even a small number of factors affecting the civic activity of residents of the city of Khabarovsk explains the sharp reaction to the events taking place in the city. The results of the study allow us to expand our understanding of the phenomenon of growing civic activity in the Russian Far East. The authors of this article consider civil protest as civil activity, a set of public speeches, which are based on the dissatisfaction of individuals with the nature of the existing state-public relations, distrust of the authorities and disagreement with the policy pursued by state institutions. The mass protest movement in Khabarovsk is proposed to be analyzed from the point of view of a special sphere of the political process – contentious politics, "politics of contestation", or "protest politics" in terms of Doug McAdam and Charles Tilly, which is gaining momentum not only in the Russian Far East, but also in the world.

The article uses data from sociological research and expert assessments. The conclusions indicate that the Khabarovsk Territory remains a region with serious political risks.

Keywords: civic activism, social protest, political protest, patterns of behavior, contentious politics.

Введение

Современные исследователи все чаще отмечают, что протесты, массовые беспорядки и социальные выступления наблюдаются все более регулярно и приобретают разнообразные формы, наполняясь иным, чем прежде, идеологическим содержанием. Формируется новый вызов – государству и его институтам.

Протесты против китайского правительства в Гонконге, многочисленные акции «желтых жилетов» во Франции, выступления оппозиции в Венесуэле, протесты в России против поправок в Конституцию, митинги в Хабаровске, массовый протест по итогам выборов в Беларуси – вот лишь малая часть политических событий последнего времени. Все это говорит о том, что проблема протеста в современном мире многомерна и нуждается в дальнейшем осмыслении.

Сегодня тематика протеста часто привлекает внимание многих ученых и общественных деятелей. Сам же протест изучается в виде многоаспектного, сложного феномена, требующего многоуровневого, комплексного исследования с разных позиций [5, 31], и является объектом анализа совершенно разных дисциплин [25, 32, 33, 34].

С другой стороны, по-прежнему сложно разобраться, как взаимодействуют между собой разные факторы, оказывающие влияние на протестные настроения, выяснить, каково их значение в появлении данного феномена. Иными словами, если не понятна протестная динамика, то появляются сложности и при составлении достоверных, объективных политических прогнозов развития конфликтных ситуаций на уровне региона или даже в масштабе всей страны. Также требуются дополнительные политологические исследования для того, чтобы выяснить, почему в одних случаях протесты власти приходится подавлять, а в других случаях протесты свертываются, «засыпают» либо по прошествии определенного времени начинают вновь вспыхивать, зачастую в диковинных формах. Ответов на эти вопросы пока нет.

Краткий обзор научной литературы

Одним из первых, кто попытался выявить причины социально-политического противостояния и агрессии, связав их со сдвигами во всей социокультурной системе общества, был известнейший ученый П.А. Сорокин. Он рассматривает социальную активность как главное условие развития общественной солидарности, делает акцент на необходимости понимания ее причин и специфики функциональных взаимоотношений: «... особое коллективное единство, основанием которого являются причинные или функциональные отношения, данные между взаимодействующими индивидами, выделяющих их в особое явление, ограниченное от всех остальных» [10, 23]. Сорокин к протестной механике относил процессы противопоставления и разделения разнообразных группировок протестующих. Кроме того, исследователь останавливался на феномене канализации недовольства на неопасный для политической власти уровень. Учитывая эти аспекты, выявленные Сорокиным, важно анализировать специфику технологий подавления региональных протестов со стороны власти.

Также вызывают огромный интерес среди авторов и другие исследовательские проекты, массив работ которых поистине огромен [18, 19]. Не отрицая их величайшей заслуги, отметим что российская тематика современной гражданской активности долгое время мало кого волновала. Не было и сколько-либо серьезных работ, посвященных этому феномену – поскольку самого феномена практически не существовало [9].

В России первые исследовательские проекты, посвященные анализу практики социальных протестов, появились в период 2011–2012 гг. после известных событий на Болотной площади и проспекте Сахарова в Москве [13].

Что же касается феномена «Хабаровского протеста», то здесь придется признать, что научное сообщество им практически не занималось, поскольку, как представляется, во-первых, этот феномен не похож ни на один другой протест в современной России и, во-вторых, он был абсолютно неожиданным и для власти, и для научного сообщества, наконец, для самих участников протеста. В качестве одной из первых попыток анализа «хабаровского феномена» следует отметить статью Л.Е. Бляхера и А.В. Ковалевского [3], исследование, подготовленное фондом «Либеральная миссия» [7], работу дальневосточного журналиста Георгия Кулакова [12]. Социологические аспекты анализа процессов «созревания» протеста отражены в работе Н.М. Байкова, Ю.В. Берзудского, Е.Ю. Юревич [1], а также в статье А.Н. Демьяненко и М.В. Клиценко [11].

Особое внимание хотелось бы обратить на социологические опросы, проведенные «группой Сергея Белановского» [2], а также на работу О.А. Гулевич и В.В. Гусевой, посвященную социально-психологическим аспектам хабаровских протестов [8].

Методология исследования

Гражданская активность населения России, все чаще принимающая форму социального протеста, требует особого методологического подхода [25], объединяющего методы политической, социологической и психологических наук. В последнее время уличные социальные волнения, как резонно подчеркивает О.Ю. Мамедов, «...происходят (в различных масштабах) практически по всему миру, отражая многообразие социальных движений, устанавливая своеобразную связь между протестом и институциональной политикой. Все это вынуждает социальную науку пристально вглядываться в такой необычный феномен, как уличная демонстрация, – тем более что длительный период стихийный уличный социальный протест вел и в социальной науке такое же «уличное» существование, не вписываясь в границы ее предмета» [4, 16].

Логично согласиться с мнением части авторов о том, что уличные демонстрации протестного характера (иногда даже встречается термин «монстрации») – это только внешняя оболочка, появляющаяся вне конвенциональных политических практик и традиционных политических институтов. Другими словами, это политика, которая проводится «андеграундными» приемами [24, 26, 27, 28, 29]. Поэтому при анализе contentious politics – «политики оспаривания» или «политики протеста» логично обратиться к методологическим основаниям исследований Дуга Макадама и Чарльза Тилли.

В дальнейшем при анализе феномена «хабаровских протестов» мы будем использовать указанный подход. «Хабаровский протест» мы рассматриваем как вполне определенное по причинам, времени и местоположению социальное движение против неправомερных (по мнению участников протеста) действий центральной власти. Характерные черты этого социального феномена очевидны: это массовость и необычайная продолжительность. В то же время предлагаемый анализ – это тот случай исследования, который Э. Гидденс определял, как «головоломка», т.е. «это не просто отсутствие информации, но *пробел в нашем понимании*. ... Исследование, связанное с решением головоломки, может приблизить нас к пониманию, *почему* события происходят именно так, как происходят, а не просто принять их так, как они выглядят» [6]. При этом авторы отдавали себе отчет в том, что в рамках одного исследования решить головоломку под названием «Хабаровский протест» невозможно, хотя бы в силу того, что прошло не так много времени с активной фазы гражданского недовольства.

Результаты анализа

Протестная активность в настоящее время – феномен достаточно распространенный. Акции, имевшие место в США во время президентских выборов 2020, движение «желтых жилетов» во Франции, выступления против ужесточения антиковидных мероприятий в целом ряде европейских столиц (и не только) показывают масштабы и накал подобного рода активности. Особое место в этом ряду занимают события в Казахстане января 2022 г.

Протесты и протестные движения часто рассматриваются в социальных науках как особая сфера политического – contentious politics, что можно перевести как «политика оспаривания», «политика сопротивления» или «политика протеста» [28]. Сюда относятся различного рода социальные движения, демонстрации, петиционные кампании, забастовки и пр., т.е. все те способы коллективного политического действия, которые не являются частью партийно-электоральной политики и в которых граждане теми или иными способами заявляют о своих интересах и требованиях [17, 30]. Это еще одна, естественная и дополняющая партийно-электоральную политику сфера политических взаимодействий.

В каждом эпизоде политики оспаривания (политики протеста) присутствуют три стороны: это субъект несогласия – группы, оспаривающие те или иные принятые правила и принципы; правительство, защищающее статус-кво; публика, которую обе стороны стремятся склонить в свою пользу. У каждой стороны есть свой репертуар возможностей, и в целом «политика оспаривания» представляет собой серию взаимодействий, которые приводят к тем или иным исходам и изменениям [20]. Вопреки расхожим представлениям, источником насилия чаще являются не «несогласные», а правительство, которое стремится представить

свои насильственные действия как законные и легитимные, но часто лишь манипулирует этими категориями в целях защиты статус-кво [28].

Интересно, что практики и виды так называемой «политики оспаривания», связанной с протестной действительностью, предполагают краткосрочную, но публичную активность, в ходе которой угадывается типичный, закономерный механизм: недовольные проявляют сопротивление властям, предъявляют ей претензии и коллективные требования, а также занимаются координацией для достижения политических целей коллективного характера. К примеру, А.В. Соколов подчеркивает, что «социальный протест – это специфическая форма социального (а значит, коллективного) действия субъектов общественной жизни, направленная на изменение процессов, явлений и отношений, которые оцениваются ими как неприемлемые» [21, 22]. Массовое протестное движение в Хабаровском крае, имевшее место быть в июле-декабре 2020 г., имеет смысл рассматривать под этим углом зрения, чтобы увидеть его политические логики, механизмы и последствия. Повестка хабаровских протестов, которые не воспринимались как прямая и бескомпромиссная конфронтация с российским политическим режимом, были пассивно поддержаны не только более широким спектром недовольных, но и частью умеренных лоялистов.

Таблица

Численность участников демонстраций в Хабаровске [7]

Акция	Дата	Численность	Источник
«Хабаровск в поддержку Фургала» — 1	11.07.2020	28 000	Оценки
«Хабаровск в поддержку Фургала» — 2	18.07.2020	47 500	Оценки
«Хабаровск в поддержку Фургала» — 3	25.07.2020	36 000	Оценки

В Хабаровске жители устроили настоящий протестный марафон, длящийся довольно интенсивно порядка месяца – с 11 июля по начало августа (потом количество недовольных упало в разы). Кстати, на наиболее серьезные протестные даты (это 11, 18, а также 25 июля) пришлось (опять же – по оценкам) порядка сорока тысяч чел. (см. табл.). Этот факт свидетельствовал о необычном для Российской Федерации и весьма редком для российских движений коэффициенте участия (примерно 6% хабаровчан). Динамика протеста была следующей: сначала недовольные граждане появлялись на городских улицах, выдвигая свои претензии по вопросам ситуации в самом регионе, демонстрируя свое несогласие по поводу уголовного преследования Фургала, затем недовольные стали требовать отстранения врио губернатора М. Дегтярева. Однако позже протестная повестка стала дробиться – повлияли международные и другие политические события – к началу августа недовольные граждане стали поддерживать белорусских протестующих, а к концу августа лозунги смешались.

Протестные процессы распространились за пределы края. Например, июльские митинги поддерживающих Фургала были организованы в довольно больших дальневосточных и сибирских городах – Иркутске, Биробиджане и Владивостоке. Несогласованные протесты солидарных с недовольными хабаровчанами были и в десятках российских городов. И все же на начале осени протестные процессы стали терять свой накал, – к примеру, на митинг 10 сентября вышло уже меньше тысячи недовольных. Согласованный (единственный) митинг 12 сентября, который инициировали коммунисты, также оказался не таким массовым, как раньше. Пришло несколько сотен граждан.

Как отмечают Кирилл Рогов и Абы Шукюров, «... тот факт, что протесты 2021 г. не продемонстрировали новых порядковых значений численности и не стали детонатором полноценного политического кризиса не означает, что такой кризис невозможен в будущем. Проявившая себя еще в начале 2010-х годов тенденция роста склонности населения к протестам после "крымской" паузы вернулась в русло фундаментального тренда (это общемировая тенденция — по некоторым оценкам, интенсивность протестов в мире в среднем

ежегодно возрастала на 11 % в 2009—2019 годах). С одной стороны "...протест вышел из "столичной" резервации. С другой — хабаровские протесты с более умеренными повестками дали пример никогда ранее не виданной протестной мобилизации в одном из таких центров. Структурный анализ численности протестов позволяет представить, как потенциально может выглядеть переход к новым порядковым значениям численности протестов в случае "объединения" сторонников "умеренных" и "радикальных" протестных повесток. Это протесты численностью 10 - 20 тыс. человек в полутора десятках региональных центров плюс крупные выступления в столицах, что и даст около полумиллиона или более протестующих по стране» [7, с. 68]. Рогов и Шукюров делают вывод: «...хабаровские протесты дали пример ранее никогда не виданной протестной мобилизации в одном из таких центров — Хабаровске. Эти тенденции и предпринятый выше структурный анализ численности протестов в разрезе страны позволяют представить, как потенциально может выглядеть переход к новым порядковым значениям численности. Если вообразить протесты, сопоставимые по численности с хабаровскими (диапазон 15 - 50 тыс. человек), которые охватывают десяток российских мегаполисов и которые поддержаны крупными выступлениями в столицах, и более скромными протестами 5 -10 тыс. чел. еще в десятке региональных центров, то мы как раз получим следующий порядковый уровень — около полумиллиона или больше протестующих по стране» [7]. Приведенные данные и расчеты, конечно, нуждаются в дополнительной эмпирической проверке.

Опираясь на замеры ряда социологических служб, можно отметить следующую тенденцию [14, 15]. Несмотря на достаточно тревожные настроения, большинство российских граждан не готовы и не хотят принимать участие в мероприятиях политико-публичного характера – будь то митинги в поддержку действующего политического режима либо митинги оппозиции. Россияне пока выбирают путь эскапизма, абсентеизма, неучастия в общественной жизни. Однако пример Хабаровска показывает, что протесты могут вспыхнуть неожиданно. Нас в данном случае интересует потенциал гражданской / протестной активности жителей Хабаровска после того, как пик недовольства снизился, и возможные формы его возрождения, чтобы, в конечном счете, получить ответ на вопрос – куда уходит протест? Так, в январе 2022 г. Хабаровск занял последнее, 75-е место в рейтинге городов по качеству жизни, подготовленном экспертами Финансового университета при Правительстве РФ. В ходе совместного исследования Финансового университета при Правительстве РФ и «Ингосстраха» доля опрошенных жителей Хабаровска, которые чувствуют уверенность в завтрашнем дне, составила всего 47% – ниже всего в России (данные за последний квартал 2021 г.).

Выводы

Хабаровский протест является уникальным социальным и политическим феноменом современной России по нескольким причинам. Во-первых, протестное настроение в Хабаровске не распространилось на соседние субъекты Дальнего Востока. По данным собственных наблюдений авторов, жители других городов с неподдельным интересом наблюдали за происходящими событиями в Хабаровске, однако, при разговоре всячески отрицали возможность таких протестов в их городах. Внутреннее недовольство присуще многим жителям России, но заявить об этом могут лишь несколько городов России. Во-вторых, за год существенно изменилась риторика протеста. Изначально, причиной протеста был политический дискурс – арест действующего губернатора С.И. Фургала и его «переезд» в Москву. Однако позже дискурс сменился на социальный, что выразалось в лозунгах, которые использовались во время протестов (от таких как «мы здесь власть», «свободу Фургалу», «открытый и честный суд» до более социальных: «спасибо за поддержку всей стране», «мы не колония», «выбор народа надо уважать», «я мы Дальний Восток»). Кроме того, события 2021 г. показали, что жители г. Хабаровска более озлоблены не арестом Фургала, а неуважением к их мнению и выбору. Это можно и нужно обосновать тем, что в годовщину ареста С.И. Фургала 10.07.21 на акциях протеста на Комсомольской площади (а не на площади Ленина как это было в 2020 г.) не было ни одного упоминания того, что прошел целый год с момента ареста, а

судебного процесса или, по меньшей мере, ясности в деле Фургала нет, но 10.10.21 состоялись акции протеста по городу (в том числе организация автоколонны), в которых главным лозунгом был «мы не забудем жестокость ОМОНа», «не забудем, не простим», «ст. 2 Конституции»¹. Такие формулировки и разница в количественных показателях митингов в первом и втором случаях показывают социальный характер протеста.

Разумеется, политические причины легли в основу событий, но пассивно-агрессивное отношение представителей власти к местным жителям стало более веской причиной для участия в митингах. В-третьих, как уже отмечалось ранее, массовые протесты прекратились зимой 2021 г., однако, это вовсе не означает, что конфликт сошел на нет. Требования протестующих не были выполнены, по сути их проигнорировали, поэтому внутренняя озлобленность осталась. В-четвертых, масло в огонь добавили выборы, которые состоялись в сентябре 2021 г. Латентная форма протеста и результат «выбора» жителей Хабаровского края и г. Хабаровска дал четкое представление о бессилии избирателей, и что повторить успех выборов 2018 г. не представляется возможным.

Хабаровский край остается регионом с серьезными политическими рисками. Несмотря на определенные успехи нового руководства, остаются вопросы и недовольство местных жителей, поэтому решать хабаровскую проблему в любом случае придется. Вопрос состоит в том, какие последствия будут от того или иного решения. Несомненным остается факт, что мотивом появления новых массовых протестов может послужить любое политическое событие на уровне региона. Новое руководство «сидит на пороховой бочке» и прекрасно понимает, что при любой ошибке жители Хабаровского края не простят им то, что могли бы простить Фургалу. Выжидательная позиция хабаровчан, затаившаяся обида и пассивная форма протеста нагнетают политическую обстановку в Хабаровске, а инструментов снижения остроты ситуации пока нет. В то же время, на период написания статьи было понятно, что, несмотря на данные негативные тренды, большинство российских граждан не готовы и не хотят принимать участие в протестах и мероприятиях политико-публичного характера.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 21-011-32163

Литература

1. Байков Н.М., Березутский Ю.В., Юревич Е.Ю. Социальная активность жителей городского округа: политическая и гражданская самоорганизация // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). – С. 128-138.
2. Белановский С., Никольская А. Почему Хабаровск вышел за Фургала? URL: <https://www.ridl.io/ru/pochemu-habarovsk-vyshel-za-furgala> (дата обращения: 17.10.2021).
3. Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В. Что это было? Предварительная рефлексия о хабаровских митингах // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. – №4 (99). – С. 108-136.
4. Вайнштейн Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма [Текст] / Г.И. Вайнштейн. – Москва: Наука, 1990. – 312 с.
5. Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют? – Санкт-Петербург: Питер. 2005. – 461 с.
6. Гидденс Э. Социология. Москва: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
7. Год Навального. Политика протеста в России 2020 – 2021: стратегии, механизмы и последствия / под ред. К. Рогова. – Москва: Либеральная миссия, 2021. – 120 с.
8. Гулевич О.А., Гусева В.В. Оправдание системы, групповая идентификация и политическое поведение: протесты в Хабаровском крае // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 3. С. 9–22. DOI:10.17759/sps.2021120302.

¹ Более подробную информацию можно найти в открытых источниках, в том числе Instagram (аккаунты @oksana_podkorytova_27, @polkfurgala и др.

9. *Дементьева И.Н.* Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – № 4 (116) – С. 3-12
10. *Дементьева И.Н.* Модели и факторы формирования социального протеста в зарубежных и отечественных концепциях // Проблемы развития территории. – 2013. – № 6 (68). – С. 73-82
11. *Демьяненко А.Н.* Хабаровский протест: опыт социологического анализа / А. Н. Демьяненко, М. В. Клиценко // Социологические исследования. 2022. № 1. – С. 125-133. – DOI: 10.31857/S013216250016854-2.
12. *Кулаков Г.* Протест в Хабаровске. Размышления и выводы об итогах полугодичного противостояния. – Москва: «Издательские решения». 2021. – 106 с.
13. Материалы заседания научного Совета ВЦИОМ «Истинные причины и механизмы зимне-весеннего протестного движения и перспективы его продолжения на новом этапе» (стенограмма) // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 3(109). – С. 13-46
14. *Лобанова О.Ю.* От обывателей к активистам - и обратно. Обзор протестных исследований в России 1991 - 2015 годов //Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2015. – № 5(103). – С. 24-36.
15. *Лобанова О.Ю.* Протестные движения и «политика оспаривания: концептуальные рамки // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. – 2013. – № 4. – С. 163–167.
16. *Мамедов О.Ю.* В фокусе науки – уличные демонстрации // Terra economistus. – 2012. – Т. 10. – № 2. – С. 113.
17. *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. – 2004. – № 2(42). – С. 180-197.
18. *Очкина А.В.* Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2016. – № 4. – С. 69–75.
19. *Петухов В.В., Петухов Р.В.* Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. – 2019. – №5. – С. 119-133.
20. *Савенков Р.В.* Тенденции изменений форм публичного оспаривания граждан в условиях постдемократии // Вестник РУДН. Сер. Политология. – 2020. – Т. 22. – № 1. – С. 134-143.
21. *Соколов А.В.* Коллективные действия в современной России: особенности организации и реакция власти //Южно-Российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20. – № 2. С. 45–59. DOI: 10.31429/26190567-20-2-45-59.
22. *Соколов А.В.* Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // Социальные и гуманитарные знания. - 2020. - Т. 6. - № 1. - С. 30–45.
23. *Сорокин П.А.* Система социологии. - Т. 1. - Ч. 1. - 1920. 233 с.
24. *Brannen S., Haig C., Schmidt K.* The age of mass protests: understanding an escalating global trend // CSIS. – 2020. – 42 p.
25. *Klandermans B., Staggenborg S.* (Eds.). Methods of social movement research // Minneapolis: University of Minnesota Press. – 2002. – 408 p.
26. *McAdam D.* Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970 // Chicago: University of Chicago Press. – 1982 – 346 p.
27. *McAdam D., Snow D.A.* Social Movements: Readings on Their Emergence, Mobilization, and Dynamics. Los Angeles: Roxbury. – 1997. – 550 p.
28. *McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch.* Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge University Press. – 2001. – 387 p.
29. *McCarthy J.D., McPhail C.* The Institutionalization of Protest in the United States // In The Social Movement Society: Contentious Politics for a New Century / D.S. Meyer, S. Tarrow (eds.) Lanham. MD: Rowman & Littlefield. – 1998. – P. 83-110.

30. Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action / Ed. by N. Belyaeva, V. Albert, D. Zaytsev // Springer. – 2019. – 306 p.
31. Snow D.A., Soule S.A., Kriesi H. Mapping the terrain // In Snow D. A., Soule S.A., Kriesi H. (Eds.) // The Blackwell companion to social movements. Malden, MA: Blackwell. – 2004. – pp. 3–16.
32. Travaglino G.A., Nulman E. (Eds.). Theory, action and impact of social protest: An interdisciplinary conference // Contentious: The Multidisciplinary Journal of Social Protest. – New York: Punctum Books. – 2012. – 15 p.
33. Tarrow S. Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics. Cambridge: Cambridge University Press. – 1998. – 354 p.
34. Tilly Ch., Tarrow S. Contentious politics. Oxford: Oxford University Press. – 2015. – 288 p.

References

1. Baikov N.M., Berezutskiy Y.V., Yurevich E.Y. Sotsialnaya aktivnost jiteley gorodskogo okruga: politicheskaya i grajdanskaya samoorganizatsiya [Social activity of urban district residents: Political and civil self-organization]. *Vlast I upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. 2021, I. 1 (94), pp. 128–138. (in Russian).
2. Belanovskiy S. Nikolskaya A. Pochemu Habarovsk vishel za Furgala [Why Khabarovsk supported Furgal?]. Available at: <https://www.ridl.io/ru/pochemu-habarovsk-vyshel-za-furgala> (Accessed: 17.10.2021) (In Russian).
3. Blyakher L.E., Kovalevkiy A.V. Chto eto bilo? Predvaritelnaya refleksia o habarovskikh mitingah [What was that? Preliminary reflection about Khabarovsk rally]. *Politiya: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)* [Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)]. 2020, I. 4 (99), pp. 108–136. (in Russian).
4. Vajnshtejn G. I. Massovoe soznanie i social'nyj protest v usloviyah sovremennogo kapitalizma [Mass sense and social protest in modern capitalism], M., Nauka Publ., 1990, 312 p. (in Russian)
5. Garr T.R. Pochemu lyudi buntuyut? [Why do people rebellious?]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005, 461 p. (in Russian).
6. Giddens A. Sotsiologiya [Sociology]. M., 1999, 704p. (in Russian).
7. God Navalnogo. Politika protesta v Rossii 2020-2021: strategii, mehanizmi i posledstviya [Navalny Year. Protest Policy in Russia 2020 - 2021: Strategies, Mechanisms and Consequences] Moscow, Liberal mission Publ., 2021, 120 p. (in Russian).
8. Gulevich O.A., Guseva V.V. Opravdaniye sistemy, gruppovaya identifikatsiya i politicheskoye povedeniye: protest v Habarovskom kraye [System Justification, Group Identification and Political Behavior: Protests in Khabarovsk Krai] *Sotsialnaya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2021, V., 12, I. 3, pp. 9–22 (in Russian).
9. Demytyeva I.N. Teoretiko-metodologicheskiye podhodi k izucheniyu sotsialnogo protesta v zarubezhnoy i otechestvennoy nauke [Theoretical and methodological ways to study social protest in foreign and domestic science] *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion]. 2013, I. 4 (116), pp. 3-12 (in Russian).
10. Demytyeva I.N. Modeli i faktori formirovaniya sotsialnogo protesta v zarubezhnykh i otechestvennykh kontseptsiyah [Models and factors of social protest formation in foreign and domestic concepts] *Problemi razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2013, I. 6 (68), pp. 73-82 (in Russian).
11. Demyanenko A.N., Klitsenko M.V. Habarovskiy protest: opit sotsiologicheskogo analiza [Khabarovsk Protest: A Sociological Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2022, I. 1, pp. 125-133 (in Russian).
12. Kulakov G. Protest v Habarovske. Razmishleniya i vivody ob itogah polugodichnogo protivostoyaniya [Khabarovsk protest. Thoughts and conclusions about 6 month confrontation] Moscow, Publish decisions Publ., 2021, 106 p. (in Russian).

13. Materiali zasedaniya nauchnogo soveta VTSIOM “Istinniye prichini I mehanizmi zimne-vesennego protestnogo dvizheniya i perspektivi ego prodolzheniya na novom etape” (stenogramma) [Scientific Council of RPORC Materials “The real reasons and mechanisms of the winter-spring protest movement and the prospects at a new stage” (script)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion]. 2012, I. 3(109), pp. 13-46 (in Russian).
14. Lobanova O.Y. Ot obivateley k aktivistam – i obratno. Obzor protestnih issledovaniy v Rossii 1991 – 2015 yy. [From ordinary people to activists - and back. Protest Research Review in Russia 1991 - 2015] Neprikosnovenniy zapas. Debati o politike i culture [Reserved stock. Debates on politics and culture]. 2015, V. 5(103), pp. 24-36 (in Russian).
15. Lobanova O.Y. Protetniye dvizheniya i “politica osparivaniya”: konceptualniye ramki [Protest movements and “challenge politics”: a conceptual framework] *Vestnik Permskogo universiteta. Seria politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science]. 2013, I. 4, pp. 163–167 (in Russian).
16. Mamedov O.Y. V fokuse nauki – ulichniye demonstratsii [Street Demonstrations in Science] *Terra economcus* [Terra economcus]. 2012, V. 10, I. 2, p. 113 (in Russian).
17. Muff Ch. K agnistichekoy modely demokratii [To the agonistic model of democracy] *Logos* [Logos]. 2004. I. 2(42), pp. 180-197. (in Russian).
18. Ochkina A.V. Sotsialniy protest v sovremennoy Rossii: faktori i tendencii razvitiya [Social protest in modern Russia: factors and trends] *Economica I upravleniye: nauchno-practicheskii zhurnal* [Economics and Management: Scientific and Practical Journal]. 2016, I. 4, pp. 69–75 (in Russian).
19. Petukhov V.V., Petukhov R.V. Zapros na peremeni: prichini aktualizatsii, klyucheviye slagaemiye i potentsialniye nositeli [Request for change: reasons for updating, key components and potential carriers] *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political researches]. 2019, I 5, pp. 119-133. (in Russian).
20. Savenkov R.V. Tendencii izmeneniy form publichnogo osparivaniya grazhdan v usloviyah postdemokratii [Changing Trends in Forms of Public Challenge of Citizens in Post-Democracy Conditions] *Vestnik RUDN. Seria Politologiya* [RUDN Journal of Political Science]. 2020, V. 22, I 1, pp. 134-143. (in Russian).
21. Sokolov A.V. Kollektivniye deystviya v sovremennoy Rossii: osobennosty organizatsii I reaktsiya vlasty [Collective action in modern Russia: features of the organization and the reaction of the authorities] *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal sotsialniy nauk* [South-Russian journal of social science]. 2019, V. 20, I. 2, pp. 45–59. DOI: 10.31429/26190567-20-2-45-59 (in Russian).
22. Sokolov A.V. Osobennosti kollektivnih deystviy v sovremennoy Rossii: dinamika, tsifrovizatsiya i rezultati [Collective action aeatures in modern Russia: dynamics, digitalization and results] *Sotsialniye I gumanitarniye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2020, V. 6, I. 1, pp. 30-45 (in Russian).
23. Sorokin P.A. *Sistema sotsiologii* [Sociology system]. 1920, V.1, I. 1, 233 p.
24. Brannen S., Haig C., Schmidt K. The age of mass protests: understanding an escalating global trend, *CSIS*, 2020. 42 p.
25. Klandermans B., Staggenborg S. (Eds.). *Methods of social movement research*, Minneapolis, University of Minnesota Press Publ., 2002, 408 p.
26. McAdam D. *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 1982, 346 p.
27. McAdam D., Snow D.A. *Social Movements: Readings on Their Emergence, Mobilization, and Dynamics*, Los Angeles, Roxbury Publ., 1997, 550 p.
28. McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. *Dynamics of Contention*, Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2001, 387 p.
29. McCarthy J.D., McPhail C. The Institutionalization of Protest in the United States, *In The Social Movement Society: Contentious Politics for a New Century* / D.S. Meyer, S. Tarrow (eds.) Lanham // MD, Rowman & Littlefield Publ., 1998, pp. 83-110.

30. Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action / Ed. by N. Belyaeva, V. Albert, D. Zaytsev, *Springer Publ.*, 2019, 306 p.
31. Snow D.A., Soule S.A., Kriesi H. Mapping the terrain // In Snow D. A., Soule S.A., Kriesi H. (Eds.) *The Blackwell companion to social movements*, Malden, MA, Blackwell, Publ., 2004, pp. 3–16.
32. Travaglino G.A., Nulman E. (Eds.). Theory, action and impact of social protest: An interdisciplinary conference, *Contention: The Multidisciplinary Journal of Social Protest*, New York, Punctum Books Publ., 2012, 15 p.
33. Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1998, 354 p.
34. Tilly Ch., Tarrow S. *Contentious politics*, Oxford, Oxford University Press Publ., 2015, 288 p.